

А. Г. Бондач,
преподаватель Московской духовной академии

КАНОНЫ О САМОУБИЙСТВАХ

Вопрос об отношении Церкви к лишению себя жизни неоднозначен. Необходимо понимать и знать историческое развитие канонической ответственности за совершение самоубийств как на католическом Западе, так и на православном Востоке, и обстоятельства, частично смягчающие вину человека, совершившего самоубийство. Любое ли сознательное или бессознательное лишение себя жизни — грех самоубийства?

Суицид в каноническом праве Западной Церкви

Исторически более пристальное внимание самоубийству уделялось в западном церковном законодательстве. В начале V века блаженный Августин подвел богословскую базу под осуждение самоубийства. В произведении «О граде Божиим» он отмечает, что христианки, в отличие от язычниц, не совершают самоубийств, если подверглись насилию, и далее обосновывает недопустимость самоубийства вообще: «Человеку непозволительно убивать самого себя, коль скоро в заповеди „Не убий“, к которой не сделано никакого дальнейшего добавления, никто не представляется исключением, даже и сам тот, кому это заповедуется»¹.

Вскоре после этого начали появляться соответствующие соборные каноны. Около 450 года в Арле был составлен канонический сборник (впоследствии приписанный II Арльскому собору), где суицид впервые был объявлен преступлением, а те, кто его совершают, — «объятыми дьявольским безумием»². В 533 году II Орлеанский собор запретил церковное поминание самоубийц из

числа осужденных преступников³, поскольку, убивая себя, они обманывают закон, уходят от положенного наказания. Вскоре карательные санкции были распространены на всех самоубийц. Согласно постановлению I Бражского собора 563 года самоубийцы, а также казненные за преступления, лишались церковного погребения и поминовения⁴. В дальнейшем была установлена ответственность и за покушение на самоубийство. XVI Толедский собор 693 года принял решение, что христианин, который в отчаянии попытается покончить с собой, но по какой-либо причине потерпит неудачу, должен быть отлучен от причастия на два месяца⁵.

Во второй половине XIII века Фома Аквинский, основываясь на упомянутом выше сочинении Августина, вновь осудил самоубийство с религиозно-нравственной точки зрения. Аргументы и контраргументы Фомы в основном сжато повторяют рассуждения Августина: самоубийцы нарушают заповедь «Не убивай», которая не ограничена по объекту, ибо не сказано: «Не убивай другого»⁶. Продолжали появляться и церковно-правовые нормы об ответственности за само-

1. Augustinus Aurelius. De civ. Dei I, 20
2. «Diabolico persecutus furore», can. 53 [Mansi. T. VII. Col. 884]

3. Can. 15 [Mansi. T. VIII. Col. 837]
4. Cap. 16 [Mansi. T. IX. Col. 779]
5. Cap. 4 [Mansi. T. XII. Col. 71–72]
6. Sum. Theol. Pars 2 secundae partis, quest. 64, art. 5

убийство. В 1284 году Нимский собор лишил самоубийц — наряду с отлученными от Церкви, еретиками и подобными лицами — права на церковное погребение⁷.

Вплоть до XX века католическая доктрина и законодательство о самоубийствах оставались неизменными. В настоящее время, однако, они принципиально изменились. В частности, согласно Катехизису Католической Церкви, верующие не должны отчаиваться в возможности спасения самоубийц, поскольку «Бог известным лишь Ему Одному способом может дать им возможность покаяния». В связи с этим констатируется, что Церковь молится об упокоении самоубийц (§2283), но, тем не менее, самоубийство рассматривается в данном Катехизисе как грех против Бога и ближних (§2280–2282). В действующем Кодексе канонического права, принятом в 1983 году, нормы о погребении сформулированы так, что не позволяют отказать самоубийце в церковном погребении и похоронной мессе. Церковного погребения могут быть лишены только такие лица, которые были явными грешниками, еретиками, раскольниками, и не пожелали перед смертью покаяться⁸.

Точка зрения Православной Церкви

Иначе развивалось законодательство Православной Церкви. Строго говоря, здесь имеется лишь одна правовая норма о самоубийствах, признанная на общецерковном уровне. Речь идет о 14 каноническом ответе Тимофея Александрийского⁹. На вопрос о том, допускается ли поминовение на литургии человека, лишившего себя жизни в состоянии невменяемости, архиепископ Александрийский отвечает положительно. Он объясняет, однако, что священнослужитель, к которому обратились близкие погибшего, должен под свою ответственность выяснить, на самом ли деле покойный действовал в невменяемом состоянии. Если же он умышленно совершил самоубийство, то он лишается церковного поминовения (и, очевидно, погребения). В Византии Церковь, помимо данного канона, руководствовалась некоторыми нормами государственного законодательства, содержащимися в Дигестах (а позднее — в Василиках). В соответствии с ними самоубийство приравнивалось к убийству, и за его совершение (или покушение на него) назначались уголовные наказания, в частности, конфискация имущества¹⁰. Кроме того, был известен апокрифический

канон, приписываемый святителю Никифору Константинопольскому и предусматривавший отлучение от причастия на 12 лет за покушение на самоубийство¹¹.

Канонические ответы Тимофея Александрийского очень рано были переведены на славянский язык и стали известны в Русской Церкви в самом начале ее существования. Впоследствии они неизменно включались в официальные издания Кормчих книг, а с появлением в 1839 году Книги правил — и в ее состав.

Развитие и толкование канонических норм в России

Правовая традиция Русской Церкви включает в себя и несколько памятников отечественного происхождения, касающихся ответственности за самоубийство. Так, 23 сентября 1416 года митрополит Фотий направил псковскому духовенству грамоту, в которой указывал, что самоубийцы должны лишаться погребения по церковным обрядам, молитв и поминовения на литургии¹². В так называемом «Номоканоне при Большом Третьяке», неоднократно переиздававшемся на Украине и в России начиная с XVII века, содержится статья 178, представляющая собой переработку 14 ответа Тимофея Александрийского. В 21 статье «Инструкции старостам поповским или благочинным смотрителям», изданной патриархом Адрианом 26 декабря 1697 года, определялось, что самоубийц, а также лиц, убитых при попытке совершения преступлений либо погибших в результате собственного неосторожного поведения («А которой человек... купаясь и похваляясь и играя утонет, или вина опыется, или с качели убьется...»), не следует отпевать и хоронить на церковных кладбищах.

В XIX веке российское уголовное законодательство устанавливало, что христианин, умышленно лишивший себя жизни, утрачивает право на церковное погребение, а за покушение на самоубийство подвергается церковному покаянию «по распоряжению своего духовного начальства». Постепенно и в светских, и в церковных кругах стало утверждаться более терпимое отношение к самоубийству, чему благоприятствовала и декриминализация этого деяния уголовным правом зарубежных государств. Сохранялись, однако, и сторонники традиционного подхода. Так, профессор А.С.Павлов в комментариях к упомяну-

7. Mansi. T. XXIV. Col. 546

8. CIC. Can. 1184, 1185

9. 80-е годы IV века. Издания и переводы см.: CPGS 2520; подлинны только канонические ответы 1–15.

10. См.: Nom. XIV tit. III, 22; Synt. Blast. B, 12

11. Can. 142 // *Juris ecclesiastici graecorum historia et monumenta* / Cur. I.-B. Pitra. T. II. Romae, 1868. P. 340

12. Грамота псковскому духовенству с решениями по некоторым вопросам церковной дисциплины митр. Фотия // *Русская историческая библиотека*. Т. 6. СПб., 1908. Стб. 379

В. Г. Перов. Утопленница. ГТГ, х., м.

той выше статье 178 Номоканона при Большом Требнике настаивал на неуклонном проведении в жизнь идеи Тимофея Александрийского о запрете поминовения сознательных самоубийц, поскольку самоубийство является (независимо от признания или непризнания его преступности светским законодателем) тяжким грехом. Применительно к современной ему ситуации Павлов указывал, что священники не должны формально доверять медицинскому свидетельству о психическом расстройстве погибшего лица, а должны оценивать его состояние самостоятельно, основываясь на всей совокупности сведений о покойном¹³.

Долг, польза и неосторожность

О самоубийстве в собственном смысле слова можно говорить только тогда, когда был прямой умысел на лишение себя жизни, то есть когда погибший осознавал, что причиняет себе смерть, и желал наступления такого результата. Очевидно, что невозможно самоубийство с косвенным умыслом, когда человек осознает высокую вероятность собственной гибели в результате своих действий, но не желает этого или относится к этому безразлично, действуя с совершенно иной целью. Например, военный летчик идет на таран или солдат бросается с гранатой под вражеский танк не для

того, чтобы покончить с собой, а ради выполнения своего воинского долга по защите Родины. Или человек соглашается участвовать в крайне рискованном научном медицинском эксперименте, где высока вероятность его гибели, для того чтобы полученные результаты смогли принести пользу другим больным. В этих случаях умысел косвенный: человек отнюдь не хочет умирать, но в определенных обстоятельствах любовь к ближним заставляет его пожертвовать собой.

Смерть по неосторожности нельзя считать самоубийством. На это следует обратить особое внимание в связи с весьма распространенным в современном церковном сознании — и абсолютно необоснованным — отношением к некоторым разновидностям смерти как к самоубийству, в частности, к смертям в результате заболевания алкоголизмом или наркоманией. Понятно, что человек, злоупотребляющий спиртным или наркотиками, должен осознавать, что в перспективе это серьезно отразится на его здоровье и может привести к гибели. Однако трудно представить, чтобы кто-либо употреблял алкоголь и наркотики именно для того, чтобы лишить себя жизни.

Таким образом, законодательство Православной Церкви, осуждая самоубийство и показывая своим членам всю тяжесть этого греха, не всякое лишение себя жизни квалифицирует как самоубийство, но в определенных случаях разрешает церковное поминовение, обращая внимание не только на само деяние, но и на душевное состояние погибшего, и на цели его поступка.

13. Номоканон при Большом Требнике / Изд. подгот. А. С. Павлов. М., 1897. С. 320–324